

Ровно десять лет назад, в ноябре 1987 года, в свердловской газете «На смену» появился отклик на выступление Юрия Лозы в культурном комплексе «Уралмашзавода»: «Свобода или развязность? О культуре поведения пивца (это я цитирую. — Авт.), умения вести разговор со зрителями размышляет читатель газеты». «Вам знакомо ощущение «снятой кожи», — со знанием дела допытывается автор у читателей, — когда при тебе происходит что-то непристойное, да еще и при огромном количестве зрителей?» После многозначительной паузы он наконец делает нетривиальный вывод: «Вот в это непристойное меня и окунали». Кто и куда окунал 23-летнего студента (именно так он отрекомендовался), осталось загадкой. Выяснилось лишь, что страшный и ужасный Лоза сделал НЕЧТО, что писатель не имел сил описать. Честно говоря, я понятия не имею, чем артист так поразил юного уральца. Могу лишь предположить, что Лоза никак не меньше двух раз произнес слова «секс» или «минет», после

— Я вижу, вам удалось подняться на ноги — после переезда что только о вас не писали: то шкафы вы заказали стенные почти за две штуки баксов, а народ вместе с деньгами тую-тую, то двери вам привезли не того размера...
— Да это все мелочи. Мы ведь живем не в Швейцарии, где не подходящие по размерам двери восприняли бы как одно из главных событий в жизни.
— Однако разграбление студии воспринималось вами как «конец света».
— Главное, что воров я поймал — 17 декабря уже третий суд будет — и процентов 60 техники вернул. Раздается телефонный звонок. Юрий оперирует какими-то непонятными мне терминами, после чего вешает трубку и сообщает, что ему предложили такую точно гитару, какую он искал в течение довольно долгого времени. Но он-то только вчера купил — за две с половиной тысячи долларов, а тут вот ведь как — предложили дешево.
— Зачем вам гитара, как у Эрика

Клэптона, когда вы год назад довольно серьезно говорили о желании оставить сцену?
— Ну-уу... Во всяком случае, я не говорил же ничего о конкретных сроках. А так, конечно, человек не может быть вечно молодым, вечно петь песни на эстраде — когда-то уйти придется. И придумывать себе какое-то новое занятие.
— Видимо, писательское! Только непонятно, почему вас до сих пор так и не приняли в Союз писателей, куда вы так стремились.
— Думаю, примут со временем. Напишу что-нибудь стоящее и большое — никуда не денутся. Хотя и те стихи, что я уже написал, разошлись таким тиражом...
— К тому же так жить значительно проще, чем выполнять собственное обещание четырехгодичной давности засесть за мемуары.
— На меня вышли представители одного издательства и предложили: не хотите ли сделать при помощи хорошего литературного работника мощную книжку? (В пример приводилась работа с Овсиен-

сов, к примеру. Работал с ним пять лет, значит, должен знать...
— Неужели вы не могли взять что-то из своей жизни — рассказать истории, подобные той, как вы проиграли за 15 минут гонорары за сто концертов? (Лоза тогда получал 11 рублей за выступление и как-то раз поехал в аэропорт Пулково — забрать инструмент, который планировал перепродать и наварить тысячу. В такси взялся перекинуться в картах. Что с ним тогда случилось, непонятно, однако тысячу сто тогдашних рублей он продал. После чего выпил водки, занял у матери денег, купил инструмент, с левых барышей раздал долги и с тех пор судьбу предпочитает лишний раз не испытывать — ни за карточным столом, ни в казино. — Авт.)
— Таких историй на книгу не хватит. Да и вообще — какие мемуары в 43 года? В 83 сядем и напишем.
— Тогда расскажите, под какими псевдонимами писали в начале 80-х!
— Нельзя сказать, что я писал под

Помните, вы даже обозвали его «Наполеоном в подвале с маньей величия». Я только не пойму, откуда эта неприязнь?
— Нас почему-то всегда ставили на два разных полюса. И люди мы, антагонистично настроенные друг к другу, и по творчеству — совершенно разные. Меня бы обидел вопрос, который часто задают Гребенщикову: что вы хотели этим сказать? Если так спрашивают, значит, песня не сказала ничего того, что хотелось. А у меня — сплошная конкретика. И простота.
— Которая, если верить, хуже творчества.
— Отсюда и вся полемика — может ли текст песни считаться поэзией? Всем понятно, что по большому счету нет, но какой-то элемент поэзии присутствовать должен. К тому же чистая поэзия не поется...
— А как же быть с песнями на стихи, скажем, Есенина! Александр Новиков, например, так целый альбом только-только записал...
— И не он один, но все это полная чушь! Все, что можно было спеть у Есенина, уже спето раньше. Вспомните Пушкина или Лермонтова — там практически нечего положить на музыку.
— Вы с удовольствием теоретизируете, но сами в основном поете старые хиты и сборники выпускаете соответствующие...
— Есть же еще и коммерческая сторона. Сейчас я хочу передать все, что делаю, в одни большие руки — студии «Союз». А они не могут выпустить сразу и мой новый альбом, и все остальное.
— Последовали бы примеру Пугачевой и скопом записали все, что сделали, а потом запаковали это в красивую коробочку.
— Она не только все записала, но и подарила — теперь каждый может петь ее песню. На радиостанциях на авторов ссылаются редко, и не исключено, что скоро песни Пугачевой не будут ассоциироваться с ней самой. На эстраде не существует вечных категорий. Мы тоже думали, что Шульженко будет всегда, но теперь уже о ней молодое поколение просто не знает. Все очень быстро проходит. Так что Пугачевой при кажущейся ее незыблемости все равно осталось недолго.

Собеседник — 1997 — № 46 — с. 22-23

ЮРИЙ ЛОЗА: ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ. ОНИ ОТМЫВАЮТСЯ

чего обозвал кого-нибудь из присутствующих «ммошником». Но что бы там ни было на самом деле, я искренне рад, что раннему студенту не довелось тогда узнать всего того, что услышал я — десять лет спустя. В противном случае, возможно, страна недосчиталась бы еще одного специалиста, а их сейчас сами знаете как не хватает.

кой и Шуфутинским.) Сам я писать точно не собирался. А когда понял, что им от меня надо — скандала, чтобы все заговорили, начался ажиотаж, — отказался. Их интересовали конкретные вещи — голубой или нет Алиба-

псевдонимами. Ставля под собственные песни для свободного их исполнения чужие фамилии — да, было. Скажем, Пахмутовой и Добронравова. Им ведь все равно — они как члены Союза композиторов получали деньги, и их никто ни о чем не спрашивал. Это я, не являясь членом ни Союза композиторов, ни Союза писателей, когда звонят и говорят, что тут пришли на мое имя деньги за песню «Цвети, Украина!», должен объяснять, что такого сочинить не мог. (Конечно, есть альтернатива — написать «Цвети, Украина!» и получить авторские.)

— Хотя бы раз был соблазн сделать именно так!
— Однажды пришли деньги за песню «Полночный город». У меня такой нет, и я подумал: черт возьми, почему бы не написать что-либо с таким названием и не прикарманить гонорар? Сел я, высунул голову в окошко, смотрел на полночный город очень долго, но ничего не вышло... Хотя, конечно, надо было сидеть с высунутой головой до последнего — я же профессионал, могу написать в любом стиле, хоть под Гребенщикова, хоть...
— Ваша антипатия к Б.Г. известна.

— Вы ведете к тому, что сами бы так, как Алла Борисовна, ни в жизнь не поступили!

— Однозначно! Или поступил бы, но не так.
— Конечно, есть же масса вариантов — к примеру, пойти с гитарой, как у Клэптона, на день рождения какого-нибудь армянского беженца. (Однажды Лоза, Доллина вместе с коллективами, танцорами — около 45 человек — были приглашены на день рождения супруги одного из многочисленных в Москве армянских беженцев. В зале ресторана сидели 17 человек, что при подсчете показывает: на каждого празднующего приходилось в среднем по две целых шесть десятых артиста. — Авт.)

— И пойду. И все время хожу — в полный рост. И все мы так работаем. Вы думаете, если любую нашу звезду пригласит один человек, они никогда не поедут? Да легко! Со всем кордебалетом и группой поддержки. За это я отвечаю. Важно лишь то, сколько за это придется выложить денег...

— Для вас не важно даже, кто будет этим единственным человеком!

«СОБЕСЕДНИК» И СТУДИЯ СОЮЗ
СОБЕСЕДНИК ПРЕДСТАВЛЯЮТ

НОВЫЕ АУДИОКАССЕТЫ И КОМПАКТ-ДИСКИ ЮРИЯ ЛОЗЫ

фото Якова Титова

— Абсолютно. Единственное, прошу об одном: чтобы это было в форме концерта и не ущемляло меня как человека. Недавно мы вчетвером плюс осветители и мужики, которые ставили аппаратуру, выступали перед четырьмя богатыми ребятами, которые могли заплатить за полноценный концерт и получить удовольствие. Или мне звонят и говорят: Юрок, тут в баню надо прийти с гитаркой, это стоит столько-то. Я отвечаю: в бане не пою. И как же быть? — доносится с того конца трубки. Предлагаю поставить аппаратуру в предбаннике и в определенное время появляюсь...

— Предлагают такую работу, как правило, бандиты?

— А что такое бандиты? Возьмите историю Америки и посмотрите — практически все нынешние капиталы заработаны в основном на криминальных деньгах. И наши бандиты со временем станут респектабельными джентльменами, а их дети вообще не будут вспоминать, откуда что взялось.

— Вы считаете, деньги не пахнут?

— Не пахнут. Главное, чтобы они оставались в стране, которую я люблю. Когда бандит открывает здесь казино, он обязан сделать так, чтобы возле этого казино не воровали машины, не было уличной преступности, была хорошая дорога.

— Вы не забываете, что для хорошей дороги и поддержания надлежащей чистоты возле казино в другом месте надо кого-нибудь зарезать!

— В другом месте тоже будет казино, а в деревеньке, где богатый человек отгрохает особняк, будет работа сначала для бригады строителей, а потом для бабушки, которая будет выращивать для него огурцы. А потом он купит заводик, который постепенно начнет приносить прибыль.

— Картинка получается идиллическая. И все-таки у братков было нечто — до казино, огурцов и заводов...

— Ну и что?! Они получили эти деньги каким-то способом, мало ли что... Меня это абсолютно не интересует.

— Вашему сыну Олегу уже 11 лет, но вы не можете представить себе простую ситуацию: те же братки ему и его друзьям, скажем, продают наркотики.

— Это — другое.

— Какое «другое»?

— Такое. Конечно же наркотики, которые продаются на улицах, беспокоят меня не меньше, чем любого нормального человека. Но для этого существует правоохранительная система... Понимаете, деньги никуда не деваются — они прокручиваются и рано или поздно обязательно отмываются. И попадают в правительство, которое потом распределяет их на полезные цели. Самое же страшное, когда деньги увозятся из страны или зашиваются в подушку.

— А если стихи в подушку зашиваются? Я с вашим шестилетней давности тексте к гимну России.

— Это не страшно — он был написан на волне такого подъема, который давным-давно прошел.

— Сейчас вы уже понимаете, что это не совсем то, что России было надо?

— Да, многовато пафоса... Я в последнее время вообще иду по жизни с наименьшим сопротивлением. И пришел к выводу, что теперешняя эстрада не самодостаточна, — когда артист просто выходит, смотреть не на что. А когда она сопровождает еду, праздник, танцы — тогда еще ничего.

— А если кто-то захочет устроить групповуху под ваш концерт?

— Почему бы нет, это их личное дело. Люди живут так, как им хочется, — я понимаю это, потому что стал гораздо терпимее...

— Это вы после пафосного текста к гимну так говорите?

— Я и другие пафосные вещицы пишу — к дню рождения Москвы, например. Но когда узнал, что этих песен написано около сотни, просто не стал показывать никому.

— Предлагаю выход — приберечь до 900-летия столицы.

— Не могу воспользоваться — песня эта уже запланирована на новом альбоме. И она не такая, какие песни писались нынешним летом — я знаю, что Лужков мне за нее не даст ничего.

— А почему бы не сделать проще: одну для продажи Лужкову, а вторую — для души.

— Так это опять надо высовывать голову в форточку, а мне и в первый-то раз не шибко понравилось...

Кирилл ЛИТМАНОВ.